

Вертиго

Саша Додо

Саша Додо

Вертиго

«Издательские решения»

Додо С.

Вертиго / С. Додо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932984-4

В наши времена для того, чтобы влюбиться и прожить долгую, счастливую жизнь, достаточно крошечной несуразицы. Близкое знакомство стало требовать глупости больше, чем всего остального вместе взятого; сущие пустяки сместили пророков и оказались единственным столпом веры. Ради всего святого обыденность канонизирована и пугает как чума, не оставляющая никого в покое. С неизменной улыбкой на лице нас настигла эра незнания и принесла в своих объятиях каждому по истине.

ISBN 978-5-44-932984-4

© Додо С.

© Издательские решения

Содержание

Объяснение	6
Молитва	7
Посвящение	8
Преддверие	9
Введение	10
Герман и Гретхен	11
Беппе и Франческо	15
Аманда и Мефи	17
Сара и Клод	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вертиго

Саша Додо

Корректор Ольга Кузина

Корректор Наталья Голубцова

© Саша Додо, 2019

ISBN 978-5-4493-2984-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

/

Издание первое, без иллюстраций.

2018 год.

Иллюстрация:

Лиза Андреева

Коррекция:

Ольга Кузина, Наталья Голубцова, Анна Гастева

Объяснение

Эта книга появилась втайне не только от моих близких и друзей, но и от меня самого.

Всё началось еще до моего появления на свет, можно даже сказать, что мои дорогие родители получили на аистовой почте сначала книгу, а уже потом меня. Адресат неизвестен, как издавна водится в этой конторе; остается только расписаться в единственной графе – получатель.

Завернутая в диковинные бараньи шкуры, записанная языком, понятным лишь мне одному, она была похожа на наследство, скатившееся с высоченных гор от предков моих предков. Но оказалась лишь очередным чудом, родом из пресловутого ниоткуда, которое и является единственным отправителем всего, что можно получить, и с чем можно иметь дело не понаслышке.

В первую очередь книга вернула меня в традицию естественного понимания подобных знаков судьбы. В своей основе эта традиция уверенно стоит на полном отсутствии какого-либо основания, такого, например, как образование, которое в известном нам мире всему голова. Момент прощания с этой самой головой и был тем началом, когда стало понятно, что я оказался внутри мистического бардака.

Сознание спуталось с воображением настолько плотно, что никакие мирские обстоятельства не могли препятствовать этому возвышенному роману, а, наоборот, только питали его. Они были еще одним поводом для любви, последствие которой всегда одно – безумие.

И любовь эта своими безумными, неуклюжими ручищами не смогла навести порядок в этом бардаке – в нем обнаружился уже существующий, свой порядок. Но не тот, где одно следует из другого линейно, а иной, никак не укладывающийся в голове; связывающий все вокруг настолько случайно, что его остается только почувствовать.

Может показаться, что данная книга представляет собой слабо или сильно организованный вихрь, предназначенный разными способами вскружить голову ради некой цели. Или более того – вовсе не имеющий никакой цели.

Кажется, они пускали мыльные пузыри целую вечность, наслаждаясь малиновым чаем. После чего Беппе предложил Франческо отправиться в гости к его старинному другу Клоду в замок Штрундельберг – отдохнуть, сменить обстановку и узнать, что с ним будет дальше, после того, что он написал. Франческо согласился не только потому, что очень сильно хотел узнать, что с ним будет дальше после того, что он написал, но и потому, что доверял своему другу.

Молитва

Я прошу Бога почти каждое утро, чтобы он дал мне подходящее слово, когда мне нужно лишь одно слово; когда мне нужно сто слов, чтобы дал сто подходящих слов; когда нужно десять или сто тысяч, чтобы дал столько, сколько нужно – подходящих слов. Чтобы каждое слово из двух, или шестидесяти тысяч, было тем самым одним словом, тем самым подходящим для него словом, говорящим без меня.

Посвящение

Эту книгу я посвящаю диким кошкам, сыну Льву-Лепольду и утренней росе.

Преддверие

В наши времена для того, чтобы влюбиться и прожить долгую, счастливую жизнь, достаточно крошечной несуразицы. Близкое знакомство стало требовать глупости больше, чем всего остального вместе взятого; сущие пустяки сместили пророков и оказались единственным столпом веры.

Ради всего святого обыденность канонизирована и пугает как чума, не оставляющая никого в покое. С неизменной улыбкой на лице нас настигла эра незнания и принесла в своих объятиях каждому по истине.

Введение

Для того чтобы быть готовым выйти на сушу, тебе нужно снять с себя твои десять, а то и более шкур, – сказал мышонок.

– Ладно-ладно, – сказал кашалот.

Герман и Гретхен

Глава первая,
в которой Герман падает в люк.

Одним весенним утром андский кондор Пабло с высоты своего полёта беззаботно гадил на столицу Колумбии. Его мало интересовала судьба стремительно выходящих из него последствий ночной трапезы. Как и всех уважающих себя грифов, его заботило лишь совершенство полёта, которое заключалось в том, чтобы всегда быть не слишком высоко, но при этом не слишком низко. Существовая лишь в середине мира, он мог оставаться вневременной сущностью жизни, не доступной для пристальных глаз неба и притягивающих рук земли.

Непостижимый, как сама жизнь, гриф Пабло купался в солнечных лучах, когда его кал рухнул в чашечку горячего кофе, которую держал в своей руке Анхелино Гарсия, лысый любитель сливочных эклеров и велоспорта.

Он стоял на своём открытом балконе, очарованный не столько красотой любимого города в утренних лучах солнца, сколько невыразимым наслаждением быть снова на родине. Глаза его говорили, что любят Колумбию, а сердце безмолвно созерцало красоту момента, пока с небес не явился этот крошечный метеорит.

Слегка обрызганный расплескавшимся кофе, Анхелино внимательно посмотрел на дружелюбно плавающую субстанцию в своей кружке. Он рывком поднял голову и с возмущением посмотрел в голое небо, которое этим утром, видимо, попросту забыло прикрыться хотя бы парой незамысловатых облаков. Не найдя никакой объективной причины в небе, он мгновенно представил, что сегодня его кружка была предназначена совсем не для того, чтобы из неё пили крепкий кофе. Она попросту была лункой, а Бог решил шутки ради продемонстрировать мастерство своей игры в гольф. Анхелино восторженно произнёс: «Браво!», – и, легким движением руки выплеснув содержимое своей кружки с балкона, направился в кухню.

Кофе Анхелино и кал Пабло летели вместе четыре этажа. Даже в самых своих буйных фантазиях они не предполагали, что встретят друг друга и, более того – что окажутся почти одним целым, стремительно падающим в неизвестное. Они разбились вдребезги о каменный тротуар в нескольких сантиметрах от начинающего писателя Германа Ахинена, проходящего мимо в безуспешных попытках разыскать вдохновение среди колумбийских красот.

Испугавшись неожиданного подарка небес, Герман отпрыгнул в сторону и, сделав несколько небольших шагов назад, посмотрел вверх в надежде выяснить природу данного явления.

Не успев разглядеть Анхелино, Герман упал в открытый люк, где должны были проводиться ремонтные работы. Во время полёта в его сознании родился сюжет будущей книги, которая принесёт ему славу и поможет покорить сердце Гретхен Дуттен, тайно и безответно им обожаемой.

Удар головой о заржавевший вентиль, вероятно, созданный только для этого момента, удивительным образом раскрыл в его сознании все детали этой будущей книги. Ушибленный, но одарённый, Герман лежал в одном из люков столице Колумбии; а в ту же минуту сонливая,

но забавная Гретхен сидела на подоконнике в столице Германии, и была занята выщипыванием бровей. А кошка Изабелла неспешно обнюхивала остатки кофе Анхелино и абсолютно не интересовалась дальнейшей судьбой ни упавшего Германа, ни вялой Гретхен.

По дороге на кухню Анхелино внезапно встревожился из-за своего поступка и решил вернуться на балкон – убедиться, что никто не пострадал из-за вылитого им дерьмового кофе. Заметив внизу лишь невредимую кошку Изабеллу, он с облегчением выдохнул и, усевшись в кресло, стал вспоминать, как в детстве с этого балкона бросал в прохожих всякую всячину. Когда имеющиеся на тот момент снаряды закончились, ему под руку попала дряхлая книга, служившая продолжением поломанной ножки столика для балкона. Только благодаря ей стол стоял ровно и мог выполнять все функции, возложенные на него судьбой.

В полете книга походила на птицу-самоубийцу с сотней белоснежных крыльев, тонких, как лезвие. Внезапно они перестали сопротивляться ветряным потокам и силе притяжения.

Кармен Хойос, пожилая женщина, жила в доме напротив. Она видела безнравственный поступок мальчишки и погрозила ему кулаком. Неожиданно для Анхелино книга шлёпнулась в нескольких сантиметрах от косоглазой клептоманки-красавицы Лусии Сапеда, которая отошла в сторону и, посмотрев вверх, застала исчезающего из вида Анхелино. Недовольно качая головой, пожилая женщина Кармен посмотрела на опустевший балкон, после чего на Лусию, поднимающую книгу. Анхелино прятал маленького себя в пределах балкона, как страус прячет свою голову в песок перед лицом смертельной опасности.

Все, что происходило в жизни Лусии, она воспринимала символически, наделяя каждое событие особым, возвышенным смыслом. Она воспринимала себя совсем не косоглазой клептоманкой-красавицей двадцати двух лет по имени Лусия, а океанской волной, жаждущей стать океаном. Девушка была глубоко убеждена, что после воссоединения с ним из её жизни исчезнут не только житейские трудности, но и душевные страдания.

Книга казалась дарованной свыше истиной; именно благодаря ей Лусия, видимо, должна лишиться своей убежденности в том, что она является волной и оказаться тем, что она есть на самом деле – океаном. И таинственный мальчишка, оставшийся незамеченным, тоже является никем иным, как самим океаном, бытие которого – лишь бесконечное развлечение с самим собой.

Ощувив сильную привязанность к книге и к тому бесценному благу, которое она в себе содержит, Лусия решила украсть её, не дожидаясь хозяина. Оглядевшись по сторонам, она шустро и бесстрашно скользнула в ближайшую арку, замеченная лишь пожилой Кармен, от глаз которой не могло скрыться и пустяковое хулиганство. А всё потому, что в свои семьдесят шесть лет она отрёклась от своей личной жизни ради той, что происходит вокруг.

Во внутреннем дворе Лусия одним глазом заметила милого пёсика в ручках маленькой девочки, другим глазом – стоявший неподалёку велосипед Анхелино со спущенным задним колесом. Внезапно для себя Лусия Сапеда решила не останавливаться на достигнутом. Аккуратно, но безжалостно, она отобрала пёсика у девочки, и под её упоительный плач понеслась в направлении велосипеда. Но по пути она обнаружила, что обе её руки заняты. Ах, если бы у неё было больше рук! Она, наверное, украла бы и девочку, но, ограниченная в возможностях, она решила освободить одну руку от награбленного. Но какую? Глаза пёсика сыграли решающую роль в выборе, и она возвратилась и отдала девочке книгу.

На секунду миловидная будущая оперная звезда Бразилии Розалина Вильялобос затихла. Но через мгновение осознала неравноценность компенсации и начала рыдать еще сильнее, ещё поительнее. Это было её дебютное выступление. Дослушали его лишь бездомные коты, всегда ожидающие вкусной развязки всего происходящего. Для неё это был день, когда она в первый и последний раз видела подаренного ей на день рождения пёсика Генри; его крохотные глазки уменьшались по мере того, как удалялась Лусия, неловко оседлавшая велосипед. В тот момент, когда Генри издали стал походить на крохотный комок шерсти, больная, но красивая Лусия завернула за угол – и навсегда исчезла из жизни Розалины, оставив лишь книгу с загадочным названием «Куртизанка и Баклажаны». Прочсть Розалина ее не могла, так как была для этого еще слишком юна.

Книга была написана Розой Тхрочерте, безграмотной кухаркой, работавшей в доме одного зажиточного торговца из аргентинской провинции Жужуй. Будучи ослепшей на один глаз, за всю свою жизнь она не смогла разглядеть ни одного достойного мужчину. И тогда однажды она сказала: «Милая внучка, Тильда Мария Тхрочерте, через месяц я умру. Ты должна записать то, что я тебе поведаю».

По истечении месяца книга была готова, а бабушка внезапно передумала умирать, объявив, что проживёт по меньшей мере ещё пятнадцать лет. В связи с чем она отправляется в Россию – кормить нищих и помогать всем страждущим, завещая преисполненной радости внучке напечатать десять книг и раздать их кому попало. Слезы расставания подсказывали Тильде, что больше они не встретятся.

Через десять дней Тильда получила открытку, в которой Роза сообщала об изменениях в планах. Она наконец увидела мужчину своей мечты. Но не оставшимся глазом, а впервые – сердцем, и теперь отправляется вслед за ним в город Тируваннамалай, расположенный в Южной Индии. К открытке прилагался рецепт её фирменных пирожков эмпамадас – Тильда их обожала.

Тильда Мария Тхрочерте не успевала за загадочными переменами в жизни своей любимой бабули. Вооруженная секретным рецептом пирожков, она решила во что бы то ни стало разобраться с мучительной непредсказуемостью жизни. Разобравшись, она почувствовала, что теперь готова понять, как именно связана описанная в книге целительная сила баклажан с куртизанкой Ванессой. Пять месяцев, двенадцать дней, шесть часов и тридцать четыре секунды потребовалось Тильде, чтобы понять, что баклажаны никак не связаны с куртизанкой.

Измученная поисками, она брела грубой, но удовлетворённой поступью в направлении винной лавки – купить себе немножко того, что в ней продаётся. На входе она встретила Родриге Хулио Веласкеса, доброго и трудолюбивого механика, немножко выпивающего в праздники. С этого момента она опьянела раз и навсегда. Влюбившись в Родриге, она решила закрыть на всё глаза, видеть только сердцем и больше никогда не искать ответы, какими бы важными не казались вопросы. Вследствие этого она наскоро родила троих детей: девочку Макэрону и двух мальчишек, Козезио и Куку.

Тильда и Родриге прожили вместе долгую и счастливую жизнь, умерли в один день, правда, не своей смертью. Их жизнь в старости, как и в молодости, была полна сюрпризов: в день независимости Аргентины их убила молния, когда они целовались под одиноким деревом, растущим посреди их пшеничного поля. Тильда так и не узнала, что её бабушка Роза

в возрасте 92 лет разбилась о скалу, летая на дельтаплане где-то в Техасе, будучи ослепшей уже на оба глаза.

Если бы будущая оперная певица Бразилии Розалина Вильялобос знала историю Розы и Тильды, она, несомненно, прочитала бы книгу про баклажаны, и нашла бы для неё место на полке рядом со своими любимыми книгами. Вместо этого удивительным образом на веранде её маленького, но невероятно уютного дома в Сан-Паулу оказался столик со сломанной ножкой, который словно всю жизнь ждал лишь её одну. Когда однажды, еще в Колумбии, квартиру Розалины обокрали четыре голодных художника, соседи решили помочь и принесли ненужную мебель. Среди милых соседских даров был и столик Анхелино, он уже давно мечтал вернуть свою судьбу. С тех самых пор, как он отпустил книгу летать, стол больше не мог стоять ровно. И теперь ему показалось, что в жилище Розалины он снова сможет обрести былую устойчивость. Интуиция не подвела его: когда Роза переезжала в Бразилию, она забрала его с собой. В её новом доме, после долгой разлуки, столик вновь повстречал книжечку, которая дала ему всё то, чего ему так не хватало.

Дополняя друг друга, они были такими, какие есть, оказавшиеся там, где должны были оказаться. Влюбленные и преисполненные благодарности, они существовали долго и счастливо, пока в один прекрасный день не стали ненужными.

Конец.

Франческо носился с этой рукописью, как угорелый. Казалось, во всем Милане нет никого, кто мог бы объяснить, что с ним будет после того, что он написал.

На часах обе стрелки приблизились к своему самому вертикальному положению. Единственным местом, куда можно было вернуться даже в такой поздний час, был магазин сказочных книг Беппе, его самого настоящего друга.

Беппе и Франческо

Глава вторая,
в которой Франческо в первый раз видит Беппе в серьезной ситуации.

Франческо вошел в магазин одной левой, потому что другая его нога угодила в одну из мышеловок, тщательно разбросанных у самого порога. Беппе всегда каким-то прямым или косвенным образом помогал Франческо выбраться из всех возможных и невозможных ловушек, с которыми он приходил в его магазин.

Впервые в жизни Франческо увидел, как его друг оказался в серьезной ситуации: он был окружен сказочными персонажами разных размеров, тщательно скрывающих свою личность под гангстерскими плащами и накладными усами так, что узнать их было невозможно. И все они, как один, по очереди что-то шептали на ушко Беппино хриплыми голосами. Чтобы выслушать их унижения, угрозы и требования Беппино пришлось не только подниматься на высокий трехступенчатый стул, но и опускаться на уровень плинтуса.

После он вынужден был отдать четыреста тысяч крон в мохнатые руки за то, что он занимается сказочным бизнесом, не будучи сказочным персонажем. И более того – что продает случайные сказки. Не те, которые приглашают в тайну, а написанные для каких-то других, сомнительных целей.

Перед тем, как провалиться под землю, персонажи предупредили его, что, если он не исправится, им придется не просто забрать все настоящие сказки, но и весь магазин целиком. Включая миниатюрный сад для чтения, размером в пять с половиной квадратных метров, который расположился на заднем дворе. Обычно там читали посетители, кому не терпелось, или те, кому сказки были не по карману. «У Беппино» был последним магазином в Милане, еще не прибранным к рукам сказочной мафии.

Франческо ничего не мог поделать, он был зажат в мышеловке и боялся пошевелиться, спугнуть что-то важное. Как только гангстеры улизнули, оказалось, что каким-то необъяснимым образом они незаметно утащили с собой все мышеловки, которые, по всей видимости, предназначались для отвода глаз. Ничем не скованный, Франческо поздоровался с Беппе как ни в чем ни бывало. Несмотря на всю серьезность ситуации, Беппе выглядел грандиозно в своих бирюзовых туфлях «Тузо Данателла»: парный шедевр на деревянной подошве второй половины девятнадцатого века, прошитые трижды вдоль и поперек белыми нитками, с крохотными ремешками вместо шнурков. Ни больше, ни меньше – обувь для самого настоящего владельца сказочного магазина.

Он был очень рад своему другу, и сразу предложил не воспринимать увиденное слишком серьезно, игриво утешаясь тем, что всё будет хорошо. Они отстанут – Беппе что-нибудь придумает для этого.

Кажется, они пускали мыльные пузыри целую вечность, наслаждаясь малиновым чаем. После чего Беппе предложил Франческо отправиться в гости к его старинному другу Клоду в замок Штрундельберг – отдохнуть, сменить обстановку и узнать, что с ним будет дальше, после того, что он написал. Франческо согласился не только потому, что очень сильно хотел

узнать, что с ним будет дальше после того, что он написал, но и потому, что доверял своему другу.

Стрелки часов, наконец, тоже сдвинулись и продолжили ход, отлепившись друг от друга. Ничего удивительного: все в Милане знают, что ночью в сказочном магазине может приключиться что-то необыкновенное, и, если не читаешь сказки, лучше туда ни ногой.

Беппе провожал взглядом уходящего в темноту друга и думал о том, как ему стать сказочным персонажем – ведь у него двое детей и жена.

Аманда и Мефи

Глава третья,

в которой Аманда продаёт Мефистофеля и узнает, что её отец жив.

Марсель – удивительный город, но несмотря на это, все начинается в Ницце. Возможно, причина в том, что именно в Ницце в 1940 году, прогуливаясь по бульвару Франка Пилата, скончался великий скрипач Паганини.

Но кто бы мог подумать, что задолго до этого, в феврале 1868 года скончается и король Баварии Людвиг I, прогуливаясь по тому же бульвару семьдесятю двумя годами ранее. Видимо, такова судьба королей – быть выше, величественнее и быстрее других.

Может быть, истинное предназначение жизни настоящего короля заключается в том, чтобы умереть раньше остальных, а после править страной так, словно он уже не принадлежит этому миру и его благам. Впрочем, к Ницце это уже не имеет никакого отношения.

Так сложилось, что Ницца является одним из самых лакомых кусочков французской Ривьеры. Ривьерой принято называть побережье Лигурийского моря, которое протянулось от города Тулон до границы с Италией.

Аманде нравилась Ницца из-за её названия. Когда она слышала это слово, ей почти всегда представлялся Ницше, кушающий пиццу в её любимом итальянском ресторанчике.

С самого детства интересы Аманды бродили за границами восприятия её органов чувств. Она увлеченно всматривалась в то, чего не было видно, прислушивалась к музыке, которую не было слышно, пробовала на вкус то, что вкуса не имело, в общем, жила очень насыщенной жизнью, которую поначалу объяснить никому не удавалось.

Её жизнь была понятна и проста до того момента, пока она не начинала о ней рассказывать. Чем больше она пыталась объясниться, тем больше оказывалась непонятой. До того момента, пока не пропала необходимость быть понятой. Это был подарок её любимого друга Мефистофеля на тридцать второй день рождения. С появлением этого подарка она неожиданно освободилась от всех друзей и приятелей.

Непонятная для окружающих, Аманда, как и раньше, почти всё время проводила в своей мастерской, а остальное время было отведено для прогулок у моря, и по улицам города.

Свой тридцать третий день рождения она решила праздновать в мастерской с её последним другом Мефистофелем. Для этого она серьезно подготовилась, впервые в жизни купив для себя бутылочку красного полусладкого вина. Мефистофель не употреблял спиртное, поскольку беспокоился о своём здоровье, но делал это чертовски незаметно. В целом он был очень самодостаточным и внешне ничем себя не развлекал, поэтому для него Аманда не смогла найти ничего.

Она обращалась к нему коротко – Мефи. Ему это не нравилось, но у него хватало могущества терпеть эту неслыханную небрежность по отношению к его величию. Она не боялась его, была открыта и чиста, как горный ручей.

Аманда и Мефистофель сидели и смотрели друг в друга, как смотрела бы тайна в себя, если бы могла. Их не понимали или понимали слишком убого, в этом они были очень схожи. Но совершенно не об этом они размышляли в этот праздничный вечер.

– О чём ты думаешь, Мефи?

– О тебе, милая.

– И что же думаешь?

– Что ты самая удивительная девушка, которую я только встречал.

– А как же Ева?

– Она не так хороша, как кажется.

– А что с ней такого, можешь рассказать?

– Она была очень жадной, а это невыносимо заурядно.

– А Адам?

– Тоже.

– Мефи, может, ты всё-таки выпьешь со мной немножко вина?

– Нет, а то как в прошлом году опьянею и начну исполнять твои прихоти. Быть трезвым и ясным намного выгоднее.

– Ты можешь хотя бы сегодня не быть таким правильным? Это же какое-то неподобающее божественное занудство.

– Аманда, прошу тебя, не напоминай мне хоть сегодня о божественном. Хотя бы один день в году прожить без него.

– Ладно, я не буду о божественном, а ты выпьешь вина. Согласен?

– Это сделка?

– Да. Скрепленная поцелуем!

– Милая, с кем тебе приходится иметь дело в день твоего рождения? Подумать страшно!

Аманда поцеловала его, после чего они вместе засмеялись, она налила ему вина и поставила бокал на столик рядом с Мефистофелем.

– Такого себе ещё никто не позволял. Угадай, кого целуют влюбленные на самом деле, когда дело доходит до первого поцелуя?

– Брось! Неужели тебя?

Мефи в ответ скромно улыбнулся и кивнул.

– Представить страшно, сколько народу тебя перецеловало.

– А ты хотела быть первой? У Мефистофеля?

– Конечно! Я думала, что тебя ничто не касалось.

– Таким образом меня ещё никто не касался, не волнуйся.

– Мефи, давай перейдём к делу.

– Аманда, умоляю, скажи, что ты не имеешь в виду секс.

– У нас могло бы получиться, ты ведь практически в человеческом облике!

Снова засмеялись.

– Я бы после такого написала бестселлер под названием «Секс с Дьяволом».

– Кстати, раскрою тебе секрет: когда у влюбленных дело доходит до секса, угадай...

– Так, Мефи, прошу тебя, не нужно продолжать! Мне правды про поцелуи вполне достаточно!

– Как скажешь. Я хотел как лучше.

– Как лучше?

– Да. Правда всегда к лучшему.

– Ладно, я тут подумала. Раз не сексом, так, может, любовью займёмся? – Прости, в другой раз – я сегодня не могу.

– Вечно ты увливаешь от самого главного!

Смеются.

– Скажи, зачем тебе она нужна, эта любовь?

– Когда любишь – на душе тепло, любовь нужна для того, чтобы согреться душевно!

Разве нет?

– Знаю я одно местечко, где можно согреться душевно.

– Ты имеешь в виду ад?

Смеются.

– Значит, все эти сплетни, что там огонь – на самом деле правда?

– На самом деле, сгорают в аду не от огня, а от адского холода. Но огонь там есть, более того – кроме огня там вообще ничего нет. Но он не согревает и не обжигает, и от безысходности сгореть в нём нельзя.

– А замерзнуть можно? – Замерзнуть в аду? Было бы очень забавно, но с самого первого момента существования этого никому не удавалось.

– Да уж, ни в чем нет спасения – безысходность, да и только!

– Мефи, ты мог бы забрать меня к себе?

– Куда?

– В преисподнюю. Найдешь мне там в огне должность управляющей, связанную с искусством. Мне кажется, у меня получится.

– Это твоё желание на твоё тридцатитрехлетие?

– Выходит, что так.

– А почему ты хочешь уйти отсюда? Тебя что-то здесь не устраивает?

– Здесь всё хорошо, я могу и остаться. Просто балуюсь.

– Вот и хорошо, к тому же разницы никакой. Что в рай, что в ад переводы – везде по сути одно и то же. Только хлопот с этими переводами чертовски много. Особенно с такими, как ты.

– Я знаю, чего я хочу на своё тридцатитрехлетие! Чтобы ты говорил только правду хотя бы в день моего рождения. Мефи, ни единого лживого слова и изворотливых шуток! Идёт?

– Ты уверена, что хочешь этого? Ведь нет ничего страшнее правды. Она обжигает, как адский огонь.

– Я выпила полбутылки вина – мне должно быть не так страшно.

– Хорошо, но только когда ты узнаешь правду, ты расстанешься со мной.

– Почему?

– Этого я не могу объяснить. Просто так должно случиться.

– А если я откажусь от своего желания, ты останешься навсегда?

– Нет, здесь никто не может остаться навсегда.

– Значит, мы всё равно расстанемся?

– Скорее, ты расстанешься со мной, и я перестану тебе принадлежать. Несмотря на это я буду приходить к тебе, но совсем другим.

– Когда я гуляю, тебя обычно нет рядом, а когда возвращаюсь в мастерскую – ты есть. Теперь будет наоборот, и ты будешь приходить ко мне, а я буду тебя ждать?

- Можно и так сказать, но это не имеет значения.
- Чем скрепим наш уговор? Кровью?
- Кровью давно не модно. Взгляда достаточно.

И вновь Аманда и Мефистофель сидели и смотрели друг в друга, как смотрела бы тайна в себя, если бы могла.

- Кто ты такой?
- Я – тот, кто считает, что ему в этом мире может хоть что-то принадлежать. Только и всего.
- Ты не так могущественен, как мне казалось.
- Аманда, даже Мефистофель не может оправдать твоих ожиданий. Что можно требовать от простых смертных?
- Смеются.
- А как на самом деле? Принадлежит ли тебе то, что ты считаешь своим? – Никому в этом мире ничего не может принадлежать, даже мне.
- Мефи, это ужасно! Как ты с этим живёшь?
- Как в аду.
- Глупенький, почему же ты тогда продолжаешь считать, что тебе может что-то принадлежать?
- Потому что только так я могу существовать: разделяя мир, в котором с одной стороны есть я, а с другой – нечто отдельное от меня, что я считаю своим.
- Но мир не разделяется, когда ты его разделяешь?
- Неплохо сказано.
- Будь добр, ответь.
- В разделенности он не разделяется. Но это не имеет значения, Аманда.
- Как не имеет? Получается, что ты существуешь только в несуществующей разделенности! Я не могу понять, как тебе это удаётся.
- Благодаря тебе, милая.
- Что ты имеешь в виду?
- Аманда, единственное место, где я могу существовать – это только в тебе.
- Что, прям внутри?
- Ага. Без тебя меня нет вовсе!
- После слов Мефистофеля раздался телефонный звонок. Аманда сняла трубку:
- Добрый вечер, это мастерская Аманды Дюбари?
- Да.
- Меня зовут Пьер Троицки, я к Вам заходил на днях. Помните, мне понравилась ваша работа – статуя Мефистофеля. Вы ещё рассказывали, что её не покупают с того момента, как пропал Ваш отец.
- Да, я помню, на Вас была забавная соломенная шляпа и трость, а ещё Вы были без обуви, босой.
- Дело в том, что я хотел бы купить статую. Скажите, могу ли я за ней заехать, скажем, через полчаса?
- Да, можете, я как раз сегодня планирую задержаться в мастерской, Вы можете не спешить.
- Скажите, Аманда, нужна ли мне будет помощь, чтобы перенести ее в машину?
- Не беспокойтесь, она не такая тяжёлая, как кажется. Если я могу ее переносить, то Вы тоже сможете.
- Тогда у Вас есть время с ней попрощаться. Я уже выезжаю.

– Хорошо.

После слов Пьера Аманда и Мефистофель в последний раз смотрели друг в друга, как смотрела бы тайна в себя, если бы могла.

Пьер Троицки был единственным, кто видел этот исключительно интимный и не предназначенный для других взгляд вечности.

Перед тем как Пьер унёс Мефистофеля, Аманда спросила его, стоя на пороге мастерской: – Скажите напоследок, почему Вы ходите без обуви?

– Я убежден, что перед тем, как увидеть истинное творчество, нужно оставить всё лишнее позади – поэтому снял обувь перед входом в Вашу мастерскую.

– Никогда о таком не слышала. Если Вам будет тяжело его нести – скажите. Я могу Вам помочь.

– В этом нет необходимости, я могу нести его сам. Хотя, когда я впервые его увидел, то был уверен, что не смогу его даже с места сдвинуть.

– Да, он не такой, каким кажется. Прошу Вас, не забывайте следить за ним. Ему необходим уход, хотя бы изредка.

– Конечно, не волнуйтесь. Я очень трепетно отношусь к искусству. Ваше творение будет главным украшением, я бы даже сказал, венцом моей коллекции. И уход за ним будет соответствующий.

– Пьер, а как же шляпа и трость? Вы их оставили на диванчике. Сейчас, я принесу!

– Аманда, пусть они останутся у вас, для меня будет повод ещё раз вернуться к Вам и Вашим шедеврам! Я уже присмотрел несколько картин! Кстати, я совсем забыл – деньги за Мефистофеля уже должны быть у вас на счету. Вы могли бы проверить счёт перед тем, как я уеду?

– Езжайте, в случае чего я позвоню вам.

– Тогда до скорого, милая Аманда!

Пьер с трудом загрузил Мефистофеля в свою машину, потом уселся за руль, со второго раза завёл мотор и неспешно покинул пределы самой очаровательной улицы Ниццы.

Аманда осталась в абсолютном, и от этого непередаваемом, одиночестве. Мефистофель был последним из того, что ей можно было потерять в этой жизни. Возможно, свобода – это когда уже нечего терять.

Как никогда свободная от всего, она по-прежнему смотрела на то, что не было видно, и слушала то, чего не было слышно, пробуя на вкус то, что вкуса не имело.

Когда она вернулась в мастерскую, раздался звонок. Она ожидала услышать Пьера, но раздался женский голос:

– Добрый вечер, могу ли я услышать Аманду Дюбари?

– Это я.

– Надеюсь, я Вас не потревожила, меня зовут Сара Чапкиз. Вашему отцу нужна Ваша помощь. Вы могли бы приехать?

– Отцу? Господи, он жив! А что с ним случилось?

– Он болен, но при этом с ним всё в порядке. Я не хотела бы говорить об этом по телефону. Вы могли бы приехать в Берн?

- Да, это в Швейцарии?
- Верно, Вам нужно добраться до замка Штрундельберг, он находится за городом. Возьмите такси. На входе в замок скажите, что Вы Аманда – и Вас проведут ко мне.
- Вы могли бы повторить название замка?
- Штрундельберг. Как Штрудель, только перед д – н, а потом ель и берг.
- У вас, наверное, кормят только штруделями?
- Поверьте, мы к штруделям не имеем никакого отношения. Ими тут и не пахнет.
- Хорошо, записала. Я вылетаю, как только смогу.

Ошарашенная радостными новостями, Аманда вылетела из мастерской, как пробка из-под шампанского, не заметив на месте шляпы облизывающегося огненного кота и спящую золотистую змею вместо трости.

Сара и Клод

Глава четвертая,

в которой Аманда узнает о болезни отца и начинает читать вслух книгу Сары.

Территория замка была огорожена густо засаженными деревьями. Судьба не дала им свободы существовать отдельно друг от друга. Все их стремления быть свободнее оказывались только на пользу их единению. Переплетенные, вросшие друг в друга, они вырвали из своих ветвей надежду на свободу и тем самым обрели её.

Смиренные, они не подозревали, что являлись условной границей, отделяющей безумие, обитающее на территории замка, от безумия, обитающего за его пределами.

Перед воротами стояла небольшая каменная стелла, на которой упоминалось, что за забором располагается замок Штрундельберг, ныне являющийся частной психиатрической больницей под названием «Безобразная пустошь».

Проходивший мимо садовник открыл Аманде ворота и провел ее к замку, не поинтересовавшись, кто она и для чего ей нужно войти. В руках у него был куст белых роз; с его корней на дорогу осыпалась земля.

Садовник тихонько напевал себе под нос детскую песенку.

В ней рассказывалось про мальчишку Энси, который больше всего на свете мечтал научиться летать, но при этом боялся высоты.

Энси не знал, что весь его огромный мир существует внутри раковины скромной улитки Хатьси, которая прячется в редком пузатом каштане Атоне, летящем в никуда вместе со своими бесчисленными братьями.

Они летят так давно, что уже не помнят, падают они на дно существования или вздымаются к его высотам.

Они летят так давно, что не помнят, как их зовут и что прячется у них внутри.

Они летят так давно, что не помнят, что летят.

А мальчишка Энси так хочет научиться летать, но боится высоты.

Летит и мечтает летать – забавный мальчишка Энси.

Драгоценными камнями в золотой оправе смотрелись витражные окна каждого из трех этажей замка. Уже восемь столетий упитанные башни наблюдали за парком вокруг них, изрезанный каменистыми тропами, которые вели через сад к фонтанам, и – в лес. А в глубине леса отдыхало большое озеро.

У дверей Аманду встретил доктор Кох, на нем была надета странная улыбка и излишняя вежливость, больше свойственная дворецким, чем докторам. Внутри было неожиданно уютно, обстановка совсем не напоминала больницу. Скорее это была гостиница, которая ранее была музеем, где большая часть экспонатов находилась на реставрации.

Медсестры и врачи ходили на обслуживающий персонал гостиницы. Пройдя через три этажа безумия, Аманда убедилась, что это настоящая больница. На каждом этаже она встретила сумасшедших, большинство из которых вели себя как и подобает сумасшедшим, но при

этом их свобода не была ограничена. Они были без смиренных рубашек и могли ходить куда хотят на каждом из этажей, за исключением чердака, вход на который был закрыт.

Часть первого этажа представляла собой особое пространство, разделенное на зоны. Было видно, как в одной зоне рисовали на больших и маленьких холстах, в другой что-то лепили из глины, в третьей – сооружали различные конструкции. Были еще зоны с незнакомым оборудованием и непонятными приспособлениями.

Второй этаж был усеян больными, которые очень много говорили сами с собой и друг с другом. Некоторые тихонько и упоительно смеялись.

Больше всего её удивил третий этаж: здесь сумасшедшие играли на музыкальных инструментах и пели. Складывалось впечатление, что они отлично проводят время. В общем музыкальном беспорядке просачивались необыкновенной красоты мелодии – казалось, что на этом этаже подобные концерты не редкое явление.

Доктор объяснил Аманде, что в больнице «Безобразная пустошь» проходят лечение особые сумасшедшие, у всех болезнь проявляется мирно и ей не о чем беспокоиться. Доктор со своими коллегами разработал альтернативный способ лечения – без применения медикаментов, который, по его словам, даёт отличные результаты.

Чердак был изолирован от больницы и казался огромной и уютной квартирой, не имеющей никакого отношения ко всему тому, что происходит внизу. Но это было не так, сумасшествие существовало и на чердаке. В одной из комнат проходил лечение один единственный больной – это и был отец Аманды.

Аманда оказалась в огромном зале, очень теплом для глаз. Большие окна выходили на каменный сад, за которым виднелся лес и кусочек озера. Деревянные колонны уверенно подпирали крышу, а камин мечтал, чтобы в него снова бросили дров и он смог вдоволь подышать через трубу. В этих местах каминны очень прихотливы и дышат исключительно дымом. Мебели было минимум, на каменных стенах не висело ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.